

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ

ЭКОНОМИЧЕСКИХ ШКОЛ

Рассматриваются общие проблемы подготовки научных экономических кадров в России, выделяются группы этих проблем, дается оценка состояния современного экономического знания. Отдельно проводится анализ задач экономической науки и возможностей формирования новых экономических школ в общем ключе и применительно к российским условиям в частности. В ходе анализа приходим к выводу, что высокий уровень дифференциации экономических школ в России, пробелы в области экономического образования и подготовки научных кадров, включая систему аспирантуры и диссертационных советов, не позволяют разрешить проблему высокой неоднородности российской экономической науки в обозримой перспективе. Скорее всего, необходимо обеспечить планомерное и системное решение всех перечисленных проблем, что и позволит создать должный уровень воспроизводства научных экономических кадров и формирования на их основе экономических школ в России.

Экономическая наука сегодня: отдельные штрихи

Первое и особенно второе десятилетие XXI века ознаменовано самобичеванием экономической науки, в частности российской школы. Отдельными экономистами утверждалось наличие методологического или общего кризиса экономической науки, назывались имманентные причины: релятивизм, фрагментарность и плюрализм экономического знания, наличие проблем с верификацией и сложностью познаваемых субъектов. В качестве аргумента выдвигалась, например, невозможность точно предсказывать возникающие кризисы, несмотря на предостережения отдельных экономистов, которые воспринимались как случайность. Отдельные нобелеаты (Г. Марковиц, Р. Мертон, М. Шоулз) назывались чуть ли не шарлатанами за то, что их модели не «сработали» и т. д. Все эти события сформировали фон развития современной экономической науки в мире и не могли не отразиться на российской экономической школе, перед которой возникла очень острая задача объяснения проблем трансформации хозяйственной системы. Решением подобных задач экономическая наука ранее не занималась, и соответствующих рецептов просто не существовало. Проблема¹ состоит не просто в том, что многочисленные исследователи-экономисты занимаются изучением миров, которых никогда не существовало, а в том, что новая реальность сама по себе представляет собой новый мир,

которого ранее не было и который не понятно каким способом может быть изучен. К тому же, по мере изучения, на которое исследователь обязан потратить массу времени, эта реальность изменяется, часто совсем не предсказуемо, что требует изменения модели исследования либо базисного подхода исследования. Экономическая наука к XXI веку стала, несмотря на все ограничения, столь влиятельной, что появляющиеся модели и объяснения, рецепты, даваемые аналитиками, используются политиками для принятия различных решений, действуя в двух направлениях: изменяя содержание решений и трансформируя модели, которые помогают принимать решения следующего этапа развития.

Современная тенденция использования экономического знания состоит в том, что получаемые модели быстро встраиваются в механизмы принятия решений (либо напрямую, либо в виде добавочных объяснений), тем самым подтверждая расширяющийся охват экономическим образованием широких слоев, особенно область политического, корпоративного управления. Одновременно действует и иная схема, когда модель отражает уже сложившийся порядок вещей, но нацелена на то, чтобы его изменить, согласно желанию заинтересованных агентов. Иными словами, подбирается удобная модель, которая выглядит обоснованной, так как записана вроде бы исходя из сложившейся комбинации взаимодействий. Конечно, современные компью-

¹ Озвучивалась около полувека назад президентом Эконометрического общества Ф. Ханом (позже цитировалась В. Леонтьевым). Такое положение вещей в экономической науке признавалось позорным.

терные методы, игровые модели и искусственный интеллект позволяют воспроизводить почти любые виды социальных взаимодействий безотносительно к устоявшимся институтам, когда эти институты также непредсказуемо меняются, как и агенты. Однако в таком случае модель все равно является образом параллельной хозяйственной жизни, без гарантии того, что этот образ возникнет также в реальной жизни, а не в компьютере. К тому же вопрос назначения таких моделей, связанный с подготовкой решений, означает включение факта наличия моделей в реальную жизнь в виде управления, что невозможно включить в «модельную жизнь». Это создает явные методологические ограничения на использование любых даже самых совершенных моделей, что необходимо учитывать при принятии решений.

Мир уже пришел к тому, что качество подготовки кадров определяет базовые конкурентные преимущества и благополучие данной экономической системы. То же справедливо относительно экономической науки, да и любой отрасли знания, которая зависит от качества ученых. Поэтому подготовка кадров исследовательского назначения выступает краеугольной задачей не только развития сферы науки, но экономики и общества. Эту проблему невозможно решить неким стандартом, копированием чьих-то рецептов подготовки. В прямом виде такой сценарий будет моделью заведомого конкурентного поражения относительно той системы, с которой осуществляется копирование (заимствование). Только учет накопленных традиций, опыта, поиск приложения знания в рамках задач своей системы может заложить базу для открытия конкурентной ниши не только в науке, но и в производстве. Конечно, процесс сотрудничества, обмена знаниями происходит всегда в силу специфики данного вида труда, но не следует превращать его в тотальную цель, требующую себе подчинения всех институтов, привычек, психологических моделей поведения агентов и т. д. Быстрота таких изменений, высокая частота смены институтов, отсутствие желания или возможности найти свою модель в науке и экономике чреваты возникновением новых форм интеллектуальной и институциональной (не только структурно-технологической) зависимости от лидеров, либо стран, задающих моду в данной области и развитии.

Российская экономическая наука современного периода в значительной степени оказалась зависимой от внешних знаний, нежели от тех знаний, которые накоплены ее представителями. Институциональные изменения в системе образования и науки оказались также в сильной степени подчинены внешним установкам и опыту, который нельзя признать безупречным даже в рамках той социокультурной и экономической среды, где он накоплен. Перенесение этого опыта и базовых институтов на российскую

почву не является обоснованным и не приводит и не приведет к осязаемому прогрессу в области образования и науки. Причина банальна — кадры, которые не только не готовы к развитию в условиях новых институтов, причем большей частью заимствованных, но и ментально не принимают эти правила. При этом и возникает большая проблема — готовить новые кадры в науке и образовании, ориентированные на эти новые внедряемые институты, либо без учета ментального отторжения этих институтов готовить кадры в рамках традиционных моделей развития отечественного образования и науки. Пока наблюдается переход на западные стандарты, которые в тех странах сложились эволюционно, в том числе и потому, что не представляли себе, как выстроить систему образования и науки, и нашли такую форму. Но другие организационные, социокультурные формы функционирования науки и образования совершенно не воспримут эти новые для них институты, которые вводятся в иные системы отношений и связей отнюдь не эволюционным путем, а вопреки этому пути. При подготовке новых кадров существует основной вопрос, касающийся воспроизводства научных кадров, ибо научные кадры обеспечивают проведение исследований, и поддержку образовательного уровня, потому как сами часто преподают.

Отметим некоторые важные проблемы подготовки научных кадров в области экономического знания в России.

Институциональные проблемы развития экономической науки в России

Выделим два определяющих ограничения процесса воспроизводства научных кадров в сфере науки России (в частности, экономической науке).

I. Низкий уровень государственного заказа и финансирования (износ фондов, ухудшение кадрового потенциала науки), наука «как домашнее хобби», либо наука «как альтруистическое благо».

II. Высокий уровень интенсивности изменений — «институциональная чехарда» как отражение дисфункции управления:

- реформа РАН и образования без целей и должных ресурсов;

- заимствование (копирование) иностранных институтов без обоснования необходимости, целесообразности и эффективности;

- реформа диссертационных советов — под цель сокращения их числа;

- изменения в работе научных журналов — «рецензионно — хиршевски — плагиатный» психоз в России².

Указанные ограничения, конечно, увеличивают дисфункцию системы образования и науки России, дезорганизуют работу и не способствуют получению

² Подробнее см.: О. С. Сухарев «Система науки: дисфункция управления и ее преодоление» [1]. В этой же статье предлагаются пункты «настоящей реформы науки» в России.

новых результатов в науке и квалификации выпускаемых специалистов в области образования.

Открытые количественные цели «сократить» — противоречат целям обеспечения качества и конкурентоспособности науки на мировой арене, так как просто повышают издержки функционирования, демотиивируя ученое сообщество.

Суммарно можно выделить десять следующих ключевых проблем развития российской экономической науки, помимо общих проблем функционирования экономической науки как таковой, связанных со специфическими чертами изменения экономического знания в современную эпоху.

1. Кадровое обеспечение — квалификация и «моральное» здоровье, что связано с эффектом моды в науке, подражанием, не высоким уровнем «начитанности» современных исследователей, ориентирующихся не на изучение книг, а формирующих свои представления сугубо по статьям. При всем уважении к этому научному жанру («научной статье»), все-таки он дает лишь отдельно-урывочное представление об исследуемом объекте, явлении, процессе.

2. Преемственность и понимание задач развития экономической науки, с позиционированием российских достижений относительно западных, вне режима подчинения и угодничества, что можно наблюдать в серии исследований российских авторов, при этом снижается «критический оптимизм» и достоинство исследования, присущие, например, Михаилу Ивановичу Туган-Барановскому.

3. Организация и финансирование научных исследований и государственного заказа на исследования по экономике и управлению. Дезорганизация по линии «академия наук — отраслевое НИИ — вуз — секторы экономики» лишает экономику создания новых научных результатов на систематической основе, когда одна система, по сути, демонтирована, а другой — не создано.

4. Клановое построение российского экономического сообщества и эффекты подражания и эпигонства («предфамильной» приставки, «эффекта моды») — иерархизация системы науки, забюрокративание науки, с вытекающей потерей носителей исполнительского знания.

5. Информационное отставание (организация инфраструктуры для проведения исследований), когда возникает эффект «не информации для диссертации, а диссертации под имеющуюся информацию (какая есть)».

6. Самоуничижительное отношение к собственным работам по принципу «нет пророка в своем отечестве», когда боимся указать, что отечественный экономист какую-то проблему описал раньше или дал трактовку которая много интереснее, чем разработки западных специалистов. Достаточно посмо-

треть на формулу С. Г. Струмилина для связи простого и сложного труда в создании продукта и сравнить ее с формулами для роста продукта у Э. Денисона и Т. Шульца. Как видна похожесть (идейная, как минимум) этих записей, хотя Струмилин сделал это намного раньше и даже разработал теорию редукции с расчетом коэффициента редукции (аналог разделения инвестиций по видам образования — среднее и высшее в формуле западных экономистов). Подобных примеров множество. В частности, русский экономист И. И. Янжул в своей работе «Экономическое значение честности (забытый фактор производства)» фактически обозначил контуры нового институционализма западного вида; он исследует различные модели оппортунизма (пред- и постконтрактного), где честность, точнее коварство, для получения выгод исполняет роль главного мотива.

7. Неоднородность экономического знания и конкурентного соперничества различных школ за влияние на принятие решений властью (неоклассики — неолибералы и «градуалисты — дирижисты» — институционалисты).

8. Увеличение числа исследователей и преподавателей при сокращении числа обучаемых и при сокращении потребности на экономические исследования в экономике, что оборачивается грядущими сокращениями персонала с экономических кафедр высшей школы России и научных организаций. Эта проблема резко обострилась в 2015—2016 гг. в связи с рецессией российской экономики.

9. Некорректность постановки задач развития науки и тем исследований, перекокс в возникающих школах (российского неоинституционализма, эволюционной экономики, неоклассиков и др.).

10. Относительно низкая результативность (рекомендательная часть) проводимых исследований (диссертаций) при абсолютном пренебрежении даже к имеющимся рекомендациям со стороны власти, низкий уровень аналитического и экспертного обеспечения подготовки и реализации управленческих решений на всех уровнях³.

Таким образом, сведем центральные проблемы подготовки научных кадров в области экономической науки в три большие группы.

Во-первых, потеря самостоятельности российской экономической школы и ее большая дифференциация, обесценивание прошлого опыта, стирание национальных черт, необходимого критицизма и возведение кумира в лице «мэйнстрима», неумение справиться по названным причинам с расширяющимся информационным разнообразием.

Во-вторых, разделение научного сообщества России условно на две большие группы: «рыночников» и «государственников» (в значительной степени по вине политического истеблишмента при попустительстве представителей экономической

³ Хотя сегодня формально повышение экспертного уровня РАН задекларировано в соответствующих законодательных актах, включая документы по реформе РАН и др.

науки, а также по причине значительных различий в области экономической идеологии). Обострение дискуссии между этими группами, при том условии, что группа «рыночников» становится группой экспертов власти, а группа «государственников» отторгается.

В-третьих, возникновение новых центров образования и исследований, ориентированных в своей деятельности на развитие либеральной экономической идеологии, поддержку «мэйнстрима» внутри России, с низким уровнем фактической обоснованности тех или иных принимаемых решений.

В этих условиях обеспечить некое формирование российских экономических школ, на мой взгляд, не представляется возможным. Школы оформляются в силу того, что растет число сторонников каких-то идей, и имеется запрос на проведение исследований этими адептами. Вокруг каких-то идей всегда имеется какое-то число сторонников, однако это еще не научная школа, нужны исследования и результаты, которые можно представить в рамках предложений по обеспечению передаточного механизма экономической политики и изменению аппарата научного поиска, что даст свой индивидуальный способ объяснения экономических событий.

Экономическая наука России должна защищать свои интересы сама в лице своих представителей, обращая опыт и знания исследователей к проблемам своей и других экономических систем, интегрируя опыт западных школ, изменяя его, наращивая и создавая свои собственные заделы с доведением результатов до мировой общности. Главная цель — создать собственное лицо в мировом реестре проводимых экономических исследований. Для этого нужны научные кадры высокой квалификации, критически настроенные ко многим полученным ранее результатам, способные мыслить нестандартно и предлагать такие же решения теоретических и прикладных проблем. Конечно, когда консультации отечественных экономистов правительству завершатся мощным успехом в области экономического развития России, это даст ощутимый сдвиг в области повышения авторитета российской экономической мысли на мировой арене экономической науки. Но для этого следует перестать лебезить перед Нобелевскими лауреатами, приглашая их за серьезные деньги даже для богатых университетов, а потом, выходя с лекции, обсуждать с коллегами-профессорами, что путного они и не посоветовали для России, сославшись на то, что плохо знают российскую экономику. В области науки важны идеи, и не нобелевские в том числе, а может быть и главным образом, потому как информационный эффект в отношении них ниже, о них меньше знают. Любая же премия создает иерархию, далеко не всегда обоснованную и способную продвинуть решения проблем в нужном направлении.

Формирование экономической школы — необходимость развития

Казалось бы, научные школы возникают не по причине целенаправленного формирования, а в силу специфических проявлений развития данной науки, когда возникает новый способ познания, либо очерчивается некий контур новой методологии изучения явлений, вводится новый подход, либо композиция из некоего набора методов, которые создают своеобразную стилистику исследования явлений и интерпретации результатов. Все это так, если речь идет об эволюционном развитии науки, когда отдельные позиции ею полученные пересматриваются и опровергаются новыми исследованиями, тем самым, порождая новое знание и новых приверженцев этого нового знания — продолжателей. Они и составляют когорту ученых-исследователей, образующих конкретную научную школу. Причем наращивание результатов в рамках сложившейся исследовательской программы может быть ограничено как состоянием изучаемого объекта (объектов) и явления (явлений), так и методологическими возможностями используемого (созданного) этой школой интеллектуального аппарата.

Вместе с тем, в науке параллельно идет процесс формирования тех или иных направлений и школ. Это связано с проведением научно-технической политики и политики в области науки и образования со стороны правительства, выделением финансовых ресурсов, регулированием институтов, которые либо стимулируют возникновение новых направлений науки, либо, наоборот, препятствуют этому процессу или никак на него не влияют.

Наука представляет собой довольно монополистическую сферу деятельности, так как полученные результаты оформляются в виде патентов, авторских свидетельств и других документов, фиксирующих приоритет создателя. Если в какой-то стране данная наука или направления науки не развивались, в то время как в других странах они бурно росли, то наверстать такое отставание очень трудно, в отдельных случаях даже невозможно, с учетом того, что, несмотря на монополию, в сфере науки предусмотрены внутренние механизмы преодоления монополизма, связанные с распространением знания и информации. Однако такое преодоление происходит спустя какой-то период времени, но не сразу после появления нового научного результата. Даже высоко организованные и технологичные системы науки развитых государств, где имеется богатая почва для воспроизведения полученных результатов (уникальная лабораторная база), не могут быстро повторить полученные где-то достижения. Конкуренция в науке предполагает, что и повторять нужно с наращиванием результатов, то есть не следовать обычной модели копирования и тиражирования, а создавать все-таки новый результат.

Когда наука или научное направление в некотором смысле отставало в развитии (по кадрам, фондам, способам решаемых проблем, опыту и накопленному интеллектуальному потенциалу и т. д.), то понадобятся большие усилия, чтобы сократить это отставание. Российская (советская) экономическая школа, несмотря на многолетние традиции экономического анализа и высокие достижения в области экономико-математического и институционального направлений, тем не менее, испытывала именно такое состояние в 1990-е годы. Данное ощущение воспроизводилось якобы в связи с ошибками централизованного планирования и социалистической экономикой, изучением которых в качестве объекта и предмета занималась советская экономическая мысль. Если система признается нормативно порочной, неэффективной, то и наука, изучающая ее, подверглась таким же во многом крайне неоправданным оценкам. Однако чем заместить интеллектуальный инструментарий, если предыдущий якобы устарел и не годится. Внешние агенты тут же предложили неоклассическую экономику («мэйнстрим») с равновесными подходами изучения рынков, обладающих якобы функцией саморегуляции и саморазвития. Как будто в советской системе не было рынков и их не изучали. Этот «интеллектуальный подлог» сыграл злую шутку с развитием экономической науки России современного периода, когда работы советских экономистов стали забываться и нарочито отодвигаться, а высшим пилотажем в области экономической науки стали ссылки на западные англоязычные работы, которые превращали работы отечественных экономистов данного периода в хорошие обзоры в лучшем случае и не более того. Важно отметить, что перенесение или приведение какого-то тезиса, вывода из западной подобной работы не сопровождается оценкой адекватности применительно к конкретной экономической системе и ее состоянию, как будто обычный перенос автоматически правомерен, либо, если то, что получено кем-то для западной экономической системы, справедливо в общем смысле.

Конечно, довольно быстро мэйнстрим показал себя не способным обеспечить интеллектуальное сопровождение трансформации хозяйственной системы России, в связи с чем возникло мощное идейное сопротивление многим типам моделям, предлагаемым данным течением экономической мысли (неоклассикой). Одновременно в России в рамках экономической науки возникло две тенденции, отражающие потребности времени. Во-первых, развитие институциональной и эволюционной школы, которые всегда существовали в рамках российской экономической традиции, но требовали реанимации. Во-вторых, оживление памяти относительно работ

советских академиков, таких как С. Г. Струмилин, Е. С. Варга, А. И. Анчишкин и многих других.

Безусловно, находясь в конкретной точке познания невозможно достоверно точно дать прогноз относительно того, какая экономическая школа будет определять не только интеллектуальную моду, но и развитие экономического знания и главное — принятие политических решений в отдаленном будущем. Учитывая, что методологическая устойчивость науки обеспечивается разнообразием интеллектуальных подходов, представляется верной позиция развития множественных научных школ и программ исследований. При этом нужно учитывать, что экономическая наука как таковая призвана развивать свой аппарат познания (внутренний контур развития экономического знания) и обосновывать с применением этого аппарата методы воздействия на экономику с тем, чтобы воспроизводить некий режим движения экономической системы (внешний контур развития экономического знания и использования его в области практики управления, а также развития теории управления⁴).

Таким образом, экономическая наука обязана совершенствовать свою методологию познания социальных (хозяйственных) событий и давать рекомендации по изменению характера воздействия на экономику. Верификация такого знания также должна быть как минимум двухконтурной: первый контур (внешний) по исходным допущениям (их правдоподобию) и полученным результатам (возможно ли на основе данных допущений объяснить или получить такие-то результаты) и второй контур (внутренний) по содержанию анализа и моделей в нем применяемых, насколько они отражают конкретное содержание тех или иных явлений и удобны при анализе.

Следовательно, исходя из традиций развития экономической науки, можно выделить три базисные теоретические направления, которые являются опорными для данного вида знания: теория эффективности, теория развития (роста), теория передаточного механизма экономической политики (модели управления). Именно работа по этим трем направлениям предполагает использование четырех типов моделей по М. Алле: описательных, объяснительных, прогнозных и моделей принятия решений. И основной методологической проблемой экономической науки является не столько проблема верификации знания (хотя она сохраняет свою непрекращающуюся остроту), сколько проблема согласования этих типов моделей с необходимым получением адекватных инструментов воздействия на экономику, исходя из набора конкретных целевых установок. Проблема и сводится к тому, что для одного набора целей будет полезен и адекватен один набор моделей и методов, для другого набора — совершенно иной набор

⁴ Теоретики в области управления и экономисты часто не стыкуют свои усилия, считая свои области отдельными сферами исследования, хотя это не так, ибо отношения между агентами, связь факторов развития системы пронизываются процедурами принятия управленческих решений.

моделей. Тем самым экономическая наука сильно зависит от целевых установок, и, более того, от системы ценностей, что находит отражение в принципе Г. Мюрдала: ценности должны вводиться открыто в экономическое исследование и определять его направление, что позволит избежать предвзятости, так как очертит рамки данного исследования. Если признать такую установку справедливой, то из нее вытекает, что экономическое исследование проводится в рамках действующих институтов и стандартов и само по себе по итогу является институтом, действие которого ограничено рамками результата и исходными посылками. Когда изменяется общественная система в историческом ракурсе, то прежние исследования и модели вряд ли могут все так же точно описывать эти изменения и изменившуюся реальность. Это объясняет, почему различные экономические доктрины в разные периоды времени имеют различную силу влияния на правительственные решения. Изменяется реальность, изменяются предпочтения, в том числе и относительно передаточного механизма экономической политики.

Та экономическая школа, которая будет учитывать данное эволюционное изменение экономического знания, будет научно подходить к изменению (совершенствованию) тех знаний, которые получила (создала). Не все экономические школы и не всегда доминируют по критерию влияния на политический истеблишмент — многое определяется спецификой анализа и полученными результатами. Например, новая институциональная школа, проводя большей частью микроэкономические исследования, дает рекомендации в области агентских отношений, контрактов, управления правами собственности, различными формами организаций, трансакционными издержками. В этой части ее рекомендации могут быть полезны, но они имеют явно подчиненное значение, ограничиваясь областью институтов, институционального планирования. Хотя были попытки использовать теорему Коуза для решения макропроблем организации рынков, в частности продажи прав на загрязнения (даже в России на уровне ГД РФ обсуждалась такая идея в рамках Высшего экологического совета, но, к счастью, был отвергнута), либо частичной легализации легких наркотиков (реализована в Голландии, Дании и др.).

Как видим, экономическая наука должна ставить конкретные задачи и решать их на основе адекватных инструментов, верифицируя решение многократно на различных этапах его воплощения. Формирование экономических школ является центральной задачей по созданию режима методологической устойчивости экономического знания, чтобы не возникало неоправданного перекоса в пользу какого-то одного направления. Сложность объекта исследования — экономики — настолько велика, что диктует подход «методологической полигранности», а не критику

любых моделей и прогнозов, с предложением выхода в некой прагматичности, которую наука должна черпать исходя из фактов, собираемых в контактах с конкретными агентами реальной жизни (подход Дж. Дьюи, Т. Шульца, последний, как известно, выезжал на поля, прежде чем писал статью о фермерах и аграрной экономике). Перекос в сторону дедукции или индукции будет опасным методологическим приемом для современной экономической науки. Вместе с тем, значительное число школ, позиций, доктрин, полагаю, также не является целесообразным для благостных перспектив развития экономического знания. Ухудшается возможность учета и использования, а также должного развития таких доктрин, увеличивается вероятность копирования или реанимации старых подходов. Поэтому необходимо сохранить базисные парадигмы экономической науки, к коим позволю себе отнести три основные теории: неоклассику (включая все виды кейнсианства и неоклассического синтетизма, монетаризм, экономику предложения и т. д.), институционализм (старый, новый, эволюционную теорию) и марксизм (включая новые школы в области социологии)⁵. Аппарат теории управления также важен, а методологическую перспективу я вижу в объединении усилий стандартных экономических теорий и теорий управления.

Подводя итог, обозначим основные задачи, которые важны для экономической науки и которая, чтобы не потеряться в континууме социального знания, должна прилагать четко обозначенные усилия для их решения.

Во-первых, это задачи организации науки и постановки исследовательской работы — напрямую затрагивают кадровую проблему, формирование научных школ и обеспечение преемственности знаний. Число кадров, требования к квалификации, учет труда, оценка вклада и эффективности работы исследователя, формирование научных организаций и форм работы. Это далеко не все вопросы, которые требуют решения, включая методы и схемы финансирования исследований.

Во-вторых, это задачи, возникающие из репродукции самого знания и представлений об экономической науке как сфере человеческой деятельности, области приложения усилий конкретных людей, представляющих ученое сообщество. Это касается работы институтов оценки, что считать вкладом в науку, а что нет, через какое время придет ощущение вклада для конкретной разработки и как согласовать наши короткие и длинные оценки тех или иных разработок и теоретических обобщений, либо отдельных идей, которые полезны в науке сами по себе и на каком-то этапе могут не подлежать развитию.

В-третьих, важнейшей задачей экономической науки выступает повышение аналитической точности принимаемых управленческих решений, оценки результативности экономической политики.

⁵ Каждая из названных парадигм использует эконометрический и статистический аппарат в большом объеме.

В-четвертых, обеспечение преемственности в воспроизводстве научных знаний представляется центральной задачей развития экономической науки, поскольку только таким способом социальная наука может избрать целесообразные ветви своего развития и не выйти на хребтовые траектории. Если происходит потеря молодых исследователей, подготовленных кадров, то это приводит к тому, что научные школы вначале чахнут, а затем исчезают, при этом теряется уникальная информация и опыт, носителем которых были представители данного течения мысли. Колоссальные потери при таком исходе возникают в силу того, что утрачивается возможность синтеза отдельных направлений и обогащения общей теории за счет ее диверсификации.

В-пятых, объяснение общественного устройства, его целесообразной формы, а также способность

предложить необходимые институциональные формы, которые бы обеспечили эффективность и справедливость развития общества, с учетом изменения этих понятий во времени. По сути, нужны ответы на вопросы, может ли «экономика знаний» быть олигархической, то есть, представленной агентами с состоянием сравнимым с состоянием отдельных стран с миллионным населением, сосуществуют ли различные формы организации экономики в рамках одной системы и насколько длителен этот процесс существования до изменения форм и т. д.

Новая экономическая теория будет обладать «методологической силой» и влиять на принятие решений только тогда, когда она даст убедительные свои решения в области социально-экономической эффективности и развития, а также передаточного механизма экономической политики.

Олег СУХАРЕВ,

доктор экономических наук, профессор,
заведующий сектором ИЭ РАН

ЛИТЕРАТУРА

1. Сухарев О. С. Система науки: дисфункция управления и ее преодоление // Инвестиции в России. 2015. № 7 (часть 1). С. 3—14; №8 (часть 2). С. 3—8.